

Содержание

Анна Нельсон Записки о Талсе 9

ПРОЛОГ. *Встреча* 33

РАННИЙ ЕВТУШЕНКО

Так как же вас зовут? Где и когда вы родились? 39

Дедушки и их дружба 45

Няня Ньюра 48

Ложный развод родителей 50

Отец и первые стихи 52

Довоенная Москва 61

Любимое кино 62

Пленные немцы 66

“А товарищ Жданов списал...” 67

Начало карьеры профессионального поэта 68

Сухое мокрое вино 75

Алкоголь 78

Несостоявшийся футболист 79

Сталин и первое выступление в Союзе писателей 81

Протекции 86

Литинститут 90

Белла 93

Фестиваль молодежи и вербовка в КГБ 102

Евреи и дело врачей 106

Назым Хикмет 115

Берия 118

Похороны Сталина 120

ПОЭТ В РОССИИ — БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ

- Трансформация: сталинский — не сталинский — антисталинский 129
“Наследники Сталина” 133
Строфы о товарище Сталине 137
“Хотят ли русские войны?” 140
Пастернак 143
Дело Пастернака и Борис Слуцкий 146
Как Евтушенко били (станция Зима и Америка) 152
Мирильщик и защитник 156
Окуджава 160
Шестидесятничество: корни и эволюция 165
Танки в Праге 189
Литовская модель 199
Случайные связи 201
Галя Сокол 207
Бабий Яр 216
Шостакович 227
“Преждевременная автобиография” 235
“Братская ГЭС” 237
Хрущев 241
Шагал и Хрущев 261
Фидель и Куба 262
Че Гевара 272
Пиночет 276
Альенде и Латинская Америка 277
Дядя поэта и Стейнбек 280
Знакомство со Стейхеном и первая поездка в США 283
Художник и политика (мягкая сила) 286
Вьетнам 294
Патриотизм и антипатриотизм 298
Роберт Кеннеди. Дело Синявского — Даниэля.
“Большая игра” американской разведки 299
Встреча с Никсоном и шмон 307
Паранойя, или Кругом стукачи 317
Таганка 320
Джан Батлер 328

ПРОЩАНИЕ С КРАСНЫМ ФЛАГОМ

- Перестройка 335
- Горбачев 346
- Выездные комиссии и случай с Михаилом Светловым 348
- Прощание с красным флагом 354
- Ельцин 368
- Несостоявшийся министр культуры 372
- Россия в ретро- и перспективе 373
- Маша 376
- Талса 383
- Преподавание: книги и фильмы 389
- Опыт американской жизни и “свои” американцы 397
- Национальный вопрос 401
- Идеализм и идея конвергенции академика Сахарова 406

ПОДВОДЯ ИТОГИ: ВОСПОМИНАНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ, СОЖАЛЕНИЯ

- Солоухин 423
- Твардовский 425
- Отношение к Набокову 428
- Солженицын и Андропов 430
- Ростропович и Вишневецкая 431
- Высоцкий 437
- Стравинский 448
- Жак Брель, Марлен Дитрих и другие 450
- Феллини, Антониони, Пазолини 458
- Несыгранные роли: Сирано де Бержерак и д'Артаньян 472
- Евтушенковская рифма 478
- “Идут белые снеги...” 483
- Ты спрашивала шепотом 487
- Литературная перцепция 489
- Бродский 492
- Аксенов, Вознесенский и другие: “Со мною вот что происходит...” 524

Указатель имен 553

Анна Нельсон

Записки о Талсе

Но, как известно, именно в минуту
отчаянья и начинает дуть
попутный ветер.
И. Бродский

1. Вместо предисловия

Отсутствие дневников и любых записей о декабре 2012 года казалось мне единственной формой забвения, попыткой искусственно похоронить внутри своей жизни те дни. Но, как сказал Бродский, “время, столкнувшись с памятью, узнаёт о своем бесправии”. Ничего не вышло. Я, как назло, легко могу всё воспроизвести. И даже то тупое отчаяние, наивысшую его степень. Когда воля парализована и уже все равно, что будет дальше. Когда физическое ощущение предопределенности выше возможности воспротивиться ходу событий.

Итак, собачий холод того серого декабря. Срединная Америка. Центр провинциального города Талса, штат Оклахома. Я стою с температурным (как всегда, это случается некстати) ознобом на высоченной крыше отеля. Подо мной на все четыре стороны распластан город летаргического сна: абсолютно пустынные улицы соединяют не подающие признаков жизни массивные небоскребы. Стерильную упорядоченность этой пустоте задают сменяющиеся цвета светофоры. Ни души — без литературного преувеличения — до линии горизонта. Нитевидный пульс города. О на-

личии внизу, в этой глубине, жизни свидетельствуют редкие точки проползающих автомобилей. Ледяной ветер порывами взбалтывает эту пустоту и перемалывает выхваченные из нее звуки механических колоколов — здесь много церквей. Как потом заметит Соломон Волков, наблюдавший ту же широкую панораму на центр города из окна своего номера в отеле “Мама и нейтронная бомба” (название одной из поэм Евтушенко). Этому городу Евтушенко отдал с четверть века.

На продуваемой крыше нет перил, один шаг в сторону — бездна. Я заглядываю в нее, чтоб с кинематографической точки зрения оценить окрестности. Но вижу лишь высоту (точнее, глубину) своего внутреннего падения. Никакого кино у меня не получается... Зачем я ввязалась во всё это? — риторический вопль, который я буду многократно душить в себе в минуты беспощадно подавляемой слабости.

Поясню: в Талсе мы снимаем фильм, построенный на диалогах Соломона Волкова с Евгением Евтушенко. Эти диалоги мы будем снимать семь дней (за которыми последует год работы над фильмом и еще несколько лет — над книгой), все семь — в ощущении катастрофы, в атмосфере патологического недоверия и нелюбви. С Соломоном Волковым меня связывает глубинная близкая дружба, но на момент съемки — разъединяет тяжелая ссора, казавшаяся уже непреодолимой (к счастью, только казавшаяся). Мы цедим ядовитые слова сквозь зубы и умудряемся работать. С Евгением Евтушенко — несколько лет знакомства, он не воспринимает меня всерьез, ему не так важно, что со всем этим диалогом станется, ему важен сам акт разговора с Соломоном Волковым. Он, не скрывая скепсиса, то и дело называет мой еще никому неизвестный “грандиозный” замысел “передачкой” и по-честному перед началом съемок оглашает свою концепцию взаимодействия: никакой помощи, никакого доступа к личному фото- и видеоархиву, никаких дополнительных кадров, только техническая фиксация самого разговора с его *vis-à-vis*. Я знаю, что Евтушенко уже очень болен, но насколько сильно — пойму много позже.

Тем не менее владеет ситуацией, как известно, тот, в чьих руках находится монтаж, — на мне серьезная ответственность за двух героев фильма (теперь во многом и книги). Двух сложных и великих стариков (хотя по отношению к ним последнее слово кажется избыточным, и уместным лишь по факту давности их рождения). Во время съемок в Талсе ни один, ни другой со мной особо не сотрудничают.

О Евтушенко к моменту начала нашей работы снято множество фильмов, он рóздал за свою долгую жизнь астрономическое количество интервью... Но интервью и фильмы о нем уже давно не становятся частью общественного дискурса, его слова оседают в белом шуме, он знаменитый персонаж прошлого, архаика, и поколение Миллениума иногда путает его и Вознесенского.

Мне нужно придумать такое кино, которое вышло бы за рамки нормы, не погубив при этом участников. Воображаю себя эскулапом, руководствующимся древним принципом “не навреди”, и трезво, безо всякого пафоса, оцениваю ситуацию: перед большой историей у меня нет права на холостой выстрел или небрежность. Хотя бы по двум причинам. Для Соломона Волкова, человека чрезвычайно закрытого, на кону — жизненная репутация: это его первое (!) появление в большом проекте на большом экране. Для Евгения Евтушенко — возможно, последнее.

2. Как всё началось...

Чтоб расставить точки над “i” — немного предыстории. Я журналист, в 2010 году перебралась из Москвы в Нью-Йорк. Как, видимо, не случайно всё случайное, так моя встреча и впоследствии дружба с Соломоном Волковым здесь, на другом берегу, в некотором смысле Провидение. Мне выпала неожиданная радость обнаружить в нём родственного человека с редким совпадением душевных разъемов.

На момент, имеющий отношение к делу, Соломон попадает в весьма драматические жизненные обстоятельства. Очень личного свойства, поэтому оставляю их за скобками. Он в добровольном заточении, почти не покидает своих четырех стен, заставленных от пола до потолка книгами. Своих — не пишет уже три года. Необустроенный быт, сужающиеся объятия бедности, депрессия в отсутствии тому свидетелей. Он мизантроп, едва ли не единственный из моих знакомых, не пользующийся мобильным телефоном. Он еще не обзавелся Фейсбуком и, по большому счету, не имеет связи “с материком” — оттого пребывает в искреннем, без позы, неведении относительно культовости своей фигуры. Он не знает, что, например, его “Диалоги с Бродским” — настольная книга поколения интеллектуалов. Изменивший посмертную судьбу композитора Шостаковича (я видела, как, столкнувшись с ним в служебном лифте Карнеги-холла, музыканты узнают его и с почтением провожают глазами), собеседник балетмейстера Баланчина (их диалоги — Библия для балетоманов всего мира), скрипача Мильштейна, пианиста Горовица, балерины Плисецкой и еще, может быть, десятка гениев XX века... На моих глазах очень близкий мне человек, один из самых светлых умов времени погружается в большую темноту и интересуется “мягкими формами” самоубийства. Сбой, какая-то ошибка мироздания...

И вот однажды Соломон звонит мне и рассказывает, что Евгений Евтушенко написал ему письмо, в котором сообщил о готовности к большому итоговому разговору. Разговору только с ним, с Соломоном. В свою очередь Соломон делает мне предложение фиксировать их общение — снимать диалог на камеру. А как распорядиться материалом — будет видно по ходу дела...

В 2012-м я, признаюсь, довольно равнодушна к Евтушенко (через некоторое время я посмеюсь над своей категоричностью). Но мне не хочется пассивно наблюдать, как стремительно обнуляется жизнь дорогого мне Соломона. Его предложение кажется исключительной возможностью привести план в действие. А именно —

“подправить что-то в консерватории” и хоть немного приблизить торжество справедливости.

Будучи журналистом нью-йоркского бюро Первого российского канала, подхватываю идею, лечу в Москву, к руководству. Раскладываю ситуацию, клянусь снять большое кино и через час выхожу, заручившись поддержкой Кирилла Клейменова (заместителя генерального директора Первого канала) и Константина Эрнста (гендиректора Первого канала). Я не могу не ценить это принятое ими решение, доверие и протянутую руку...

Я встраиваюсь в отношения Волкова и Евтушенко, становлюсь частью треугольника и организатором встречи: вступаю в переписку с Евгением Александровичем, его прекрасной женой Машей (женщиной редкой красоты и терпения). И довольно скоро обнаруживаю себя, Соломона и большую съемочную группу — четыре замечательных оператора — с тонной аппаратуры в самолете, летящем из Нью-Йорка в Талсу, штат Оклахома. Ночь, турбулентность (внешняя и внутренняя), тусклый свет. Оглядываюсь на СВ — в его руках, как и в моих, том стихов ЕЕ... СВ и ЕЕ — так наши герои будут фигурировать в рукописи.

Морозным утром мы уже будем снимать без дублей и подготовки первую сцену: два немолодых человека идут навстречу друг другу. Приблизившись, они неловко обнимаются, как это часто бывает с давно не видевшимися людьми. Мотор! Начали.

3. Процесс съемок

Съемки велись в библиотеке университета города Талса, где ЕЕ преподавал последние двадцать пять лет жизни.

После того как в проеме библиотечной двери появилась очередная голова любопытствующего студента, я вооружилась скотчем и наспех прилепила у входа лист А4 с угрожающей надписью типа “не влезай — убьет”. Правда, очень скоро вежливые американцы из

руководства библиотеки перефразировали угрозу: на месте моего импульсивного — повис их А4, аккуратный — “будьте любезны, если вас не затруднит, пожалуйста, не входите, большое спасибо”. Так библиотечный зал стал нашей неприкосновенной вотчиной на следующие семь дней.

Каждое утро начиналось с ритуала — я отправляла СВ в сопровождении съёмочной группы в библиотеку, а сама выезжала на машине за ЕЕ в его небольшой уютный профессорский дом. Там мне буквально из рук в руки передавала его жена Маша:

— Вот его сумочка с лекарствами, вот книжки, вот теплая кофта, вот... Женя-надень-шарф!

Она обязательно обнимала его на прощание и очень как-то по-особому, по-матерински, прикладывала руку к его худой щеке. А потом оставалась стоять в одном платье на пороге дома, чтоб проводить глазами отъезжающий автомобиль.

Дорога занимала минут пятнадцать и всегда была мучительным мероприятием — обычно разговор не клеился. Но иногда ЕЕ вдруг начинал говорить. Например, о том, что “Америка — тоталитарная страна”. В том смысле, что жизнь здесь жестко расчерчена на клетки законов, правил и общественных условностей. “Но Америка дает иллюзию, а иллюзия — это и есть счастье”. Или вдруг начинал вспоминать о том, что когда снимал свой первый фильм как режиссер, то понял: главные люди на площадке — это осветители. Без них — никуда. “Если они сказали, что день закончен — всё, процесс встал — работе хана”. Я понимаю, но скрывая иронию, кивала — специальных осветителей у меня не было.

За те семь дней я освоила роли и швеца, и жнеца. Каждому съёмочному дню предшествовала пространная молчаливая мистерия. Мои герои в глубокой задумчивости послушно усаживались в кресла, я причёсывала поочередно их седые головы, а потом заносила кисточку с пудрой над их лицами. (До тех пор эксперимен-

тальным холстом служило мне лишь собственное лицо.) Я прекрасно понимала, кто передо мной — эти двое существовали на другой эволюционной ступени развития: я — здесь, они — в истории. В этом смысле дыхание вечности через плечо ощущалось все время.

В некоторые дни ЕЕ был особенно бледен. Я добавляла румян... По косвенным признакам я чувствовала, что тему здоровья ЕЕ отодвинул в разряд табуированных (теперь я понимаю, что это, видимо, был короткий период, когда врачам удавалось сдерживать прогрессирование рака). Ощущение аварийности ситуации появлялось по нарастающей, с кульминацией к концу съемок. Эти подробности не праздная констатация или попытка обрисовать атмосферу, они имеют отношение к тому удивительному евтушенковскому стоицизму и витальности, свидетелями которых оказались все участники съемочного процесса.

В предварительной переписке с ЕЕ мы условились, что будем снимать по четыре часа в день. Но после первого дня работы все планы и графики покатались в тартарары: у Евтушенко хватало сил говорить часов по семь. Больше я такого — если хотите, чуда (потому что с физиологической точки зрения это плохо объяснимо) — не видела никогда: как только загорался свет юпитеров, он мгновенно оживал, источал энергию. И в этом не было игры или фальши (упреки в “профессиональной искренности” и манерности ЕЕ перед камерой мне потом приходилось слышать не раз)... Да, в исповеди перед камерой есть какая-то заведомая неправда и неловкость. Но в правилах, как знаем, бывают исключения... Надо понимать, что публичность в его случае — естественное топливо, и любая аудитория — источник не только вдохновения, но жизни.

Он единственный мог работать без перерыва вообще. Он и был в этом смысле сверхчеловеком. Вместо обеда, испытывающий приступы боли в ноге, он глотал горстями обезболивающее... Я видела, как операторы, по многу часов державшие фокус, отрывались